

ПСИХОТЕРАПИЯ В СЕТИ ПРОТИВОРЕЧИЙ

А.И. СОСЛАНД

Сосланд Александр Иосифович — доцент Московского городского психолого-педагогического университета, старший научный сотрудник Института «Русская антропологическая школа» при Российском государственном гуманитарном университете, кандидат психологических наук.

Автор книги «Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или Как создать свою школу в психотерапии» (М, 1999).

Контакты: asosland@mtu-net.ru

Резюме

В статье рассматривается состояние психотерапии к 150-летнему юбилею З. Фрейда. Обсуждаются проблемы легитимности, эффективности, институционализации психотерапевтической практики. Разбирается круг проблем, связанных с исследованиями психотерапевтического процесса. Особое внимание уделяется проблемам «общей теории» психотерапии. Критически анализируются подходы к решению этой проблемы. Также обсуждаются особенности нового подхода к анализу психотерапии — аттрактив-анализа. Описывается особое своеобразие психотерапевтического сообщества через призму концепта «идеобаллическое сообщество». Многие противоречия как внутри психотерапевтического знания, так и внутри профессионального сообщества выносятся на открытое обсуждение.

Среди психологических дисциплин психотерапия занимает особое место, научное определение которого до сих пор вызывает ожесточенную полемику. В частности, споры идут о том, к какому ведомству относится психотерапия — психологии или медицины. Существует подход, многочисленные сторонники которого полагают, что психотерапия есть «отдельная специальность». В общественном сознании, в том числе в сознании ря-

да специалистов смежных профессий, встречаются некоторые заблуждения, связанные с психотерапией. Ее зачастую смешивают с оккультными практиками. Различия между «психологом», «психотерапевтом» и «психоделикатиком» требуют постоянного разъяснения как в беседе с клиентами, так и в коллегиальном кругу. Груз неясностей, двусмысленностей, противоречий, связанных с психотерапией, очень велик и с течением времени

почти не уменьшается. С одной стороны, здесь необходима элементарная просветительская работа, но с другой — внутри самой психотерапии накоплено множество проблем, усугубляющих ее и так непростое положение. Эти проблемы связаны с эффективностью, легитимностью, состоянием сообщества. Попробуем обсудить некоторые из них.

К юбилею основателя

Весь психологический мир отмечает в этом году 150-летие со дня рождения Зигмунда Фрейда. Важность его вклада в психотерапию переоценить невозможно при всей неоднозначности и противоречивости ряда его положений. Значение работ З. Фрейда, полагаем мы, невозможно адекватно осмыслить, если рассматривать их только изнутри психоанализа и психоаналитического сообщества. Бесспорно, он является создателем профессии психотерапевта как таковой безотносительно к отдельным школам и направлениям, одним из которых является психоанализ.

Каково же сегодня состояние профессии психотерапевта?

Оно внушает зависть и восхищение. Тысячи специалистов трудятся на ниве психологической помощи людям во всех мало-мальски цивилизованных странах. Не только жители так называемых постиндустриальных государств имеют возможность получить помощь в этой сфере, но и жители тех стран, где раньше ни о чем таком и мечтать не приходилось. Для многих тысяч молодых честолюбивых специалистов эта профессия сделалась желанной целью.

Крупнейшие психотерапевтические школы превратились в огромные транснациональные империи. Эти империи располагают образовательными учреждениями, печатными изданиями в самых разных странах. Психотерапевты объединены в многочисленные ассоциации и союзы, а признание психотерапии со стороны университетской науки и государственных органов здравоохранения растет.

На сегодняшний день психотерапия является самостоятельной и весьма востребованной профессией, а вовсе не «довеском» к психологии или медицине, так что те, кто по образованию являются врачами, психологами, педагогами, не более чем кандидаты на обучение психотерапии. Психотерапевтами становятся, только пройдя соответствующее обучение, приобретя новую профессию психотерапевта. Психотерапия все больше утверждается как самостоятельная дисциплина и самостоятельная структура в обществе.

Психотерапия (и связанные с ней сюжеты) стала одной из популярнейших тем в общественном сознании. Идеи, рожденные в недрах этой науки, у всех на устах. Трудно найти человека, не знающего, что такое комплекс неполноценности, или например, эдипов комплекс. Психотерапевт — желанный гость в пространстве средств массовой информации, телевидения и газет. Психотерапевты — востребованные консультанты в смежных профессиях — рекламе, сфере public relations, бизнесе.

Особый статус психотерапии подчеркивается также появлением законов, регулирующих ее функционирование.

Охраняется законом

Страны, где психотерапия получила должное развитие, сочли необходимым создать специальный закон, связанный с этой практикой. Пионером здесь была Австрия, что совсем не странно. Эту страну без преувеличения следует считать родиной психотерапии. От кого бы мы ни вели отсчет в истории этой науки — от Месмера или Фрейда, так или иначе возвращаемся в Вену. Психотерапия является там делом национального престижа, дипломы о завершённом психотерапевтическом образовании, открывающем доступ к практике, подписывает президент республики¹.

В Вене находится и штаб-квартира Европейской ассоциации психотерапии (ЕПА) — самой массовой на сегодняшний день международной организации психотерапевтов в мире. С 1991 г., когда была образована ЕПА, в нее вступило более 200 орга-

низаций, среди них — более 20 национальных ассоциаций.

«Закон о психотерапии» действует и в Германии. В отличие от Австрии и других стран, немецкие законодатели провели более жесткий отбор утвержденных законом (и, соответственно, оплачиваемых через страховку) методов. Главными направлениями на сегодняшний день признаны поведенческая и глубинно-психологическая (аналитически ориентированная) психотерапия. Сегрегация известных методов психотерапии на «научно проверенные» и иные является поводом для главного «научного скандала» в современном профессиональном сообществе. Среди «непроверенных» оказались школы с давними традициями, с большим влиянием в профессиональном сообществе. Гештальт-терапия, психодрама, разговорная психотерапия по К. Роджерсу, НЛП и другие пока официально не признаны и не подлежат оплате по системе меди-

¹С 1990 г. профессия «психотерапевт» защищена в Австрии законодательно. Для получения психотерапевтического образования необходимо пройти обучение в течение не менее 3215 академических часов в различных учреждениях, готовящих психотерапевтов. Это или частные институты, или порой государственные университеты. Психотерапевтическое образование состоит из двух частей:

1. Вводный курс (примерно 2 года): широкое базовое образование.
2. Специализация по психотерапии (примерно 5 лет): освоение конкретных методов психотерапии.

Минздравом Австрии проводится экспертная оценка используемых методов психотерапии. Официально признаны и подлежат оплате по системе социального страхования следующие 18 методов и направлений психотерапии, соответствующие строгим научным критериям: аутогенная тренировка, аналитическая психология, гештальт-теоретическая психотерапия, гипноз, групповой психоанализ, динамическая групповая терапия, индивидуальная психология, интегративная гештальт-терапия, кататимно-имагинативная психотерапия (символдрама), клиент-центрированная психотерапия, личностно центрированная психотерапия, поведенческая терапия, психоанализ, психодрама, системная семейная терапия, транзактный анализ, экзистенциальный анализ, экзистенциальный анализ и логотерапия.

цинского страхования. Немецкий закон, как известно, вызвал целую волну возражений.

Оговорка по Зенфу

Известный немецкий психотерапевт В. Зенф определил психотерапию как *уважаемую клиническую и научную дисциплину, доказавшую свою эффективность в лечении психических и психосоматических расстройств. Современная психотерапия строится на тех теориях расстройств и их лечения, которые десятилетиями развивались на базе клинической практики и прошли проверку на эффективность* (см.: Холмогорова, 2001).

Трудно спорить с этим определением. Обратим, однако, внимание на слово «уважаемая». Вряд ли представителям какой-нибудь другой специальности пришлось бы в голову представлять свою сферу именно так. Не стали бы специально делать ударение на «уважении» ни академическая психология, ни философия, ни иные «непсихологические» терапевтические практики, такие, как хирургия или, допустим, клиническая психиатрия. Вполне в духе психоаналитической «стратегии подозрительности» нам думается, что здесь мы имеем дело с оговоркой, которая выдает действительное положение дел.

Каково же оно? Да, безусловно, мы знаем, что психотерапия есть эффективное средство, доказавшее свою действенность. Но по сравнению со многими другими терапевтическими практиками психотерапии свойственна недостаточная легитимность. Именно это обстоятельство привело к тому, что здесь потребова-

лось специальное законодательство, отличное от того, которое было предложено для медицинских видов терапии.

Психотерапия пребывает в поле напряжения между двумя полюсами. Противопоставление номотетического подхода (генерализирующего) и идеографического (индивидуализирующего) в контексте классификации наук давно стало общим местом. Проблема здесь в том, что оба эти подхода сталкиваются на одном поле. Психотерапия не может фундировать себя как естественнонаучная дисциплина, ибо уникальность любой терапевтической ситуации под влиянием множества факторов не уместается в рамки, подходящие для операционализации и количественного исследования. В ней практически невозможна ситуация «экспериментальной воспроизводимости». С другой стороны, психотерапия функционирует в режиме терапевтических дисциплин, где требуется соответствие критериям полезности, эффективности, отчетности. Эти факторы в значительной степени определяют своеобразие и противоречия в психотерапии как науке, практике, а также внутри профессионального сообщества.

Эффективность «в целом и по частям»

Эффективность психотерапии в целом давно доказана. Многочисленные исследования в этой области, в том числе и строго контролируемые, проведенные в условиях независимой экспертизы, давно и убедительно показали, что психотерапия — это «лучше, чем ничего», а во многих случаях и

лучше, чем фармакотерапия. Однако профессиональное сообщество устроено так, что необходимо учитывать интересы многочисленных школ, направлений, подходов. Все эти «подразделения» долгое время находятся в состоянии жесткой и интенсивной конкуренции. Появление каждого нового метода связано с критикой в области мировоззренческих представлений, но никак не в области эффективности предлагаемого нового метода.

Нет тому примера, чтобы новый метод появлялся после надежных исследований терапевтических показателей. Не бывает так, чтобы терапевт исследовал при этом контрольные группы, занимался подсчетом статистических ошибок, терпел длительный катамнестический срок для того, чтобы убедиться в хороших отдаленных результатах, не сравнимых с теми, что имели место при работе в рамках старого метода. Кроме того, нет случая, чтобы автор, предлагающий новый метод, до того исследовал все известные к этому моменту методы или хотя бы несколько различных терапий, прежде чем рекомендовал бы к внедрению собственные изобретения.

Трудно представить себе, чтобы, к примеру, клинический препарат был рекомендован к употреблению без кропотливых исследовательских процедур. Для создания и распространения психотерапевтического метода вполне достаточно убежденности его создателя и его последователей в том, что он обладает определенной действенностью, чему не противоречит некий, чаще всего достаточно ограниченный опыт автора и его товарищей.

Наиболее активны в освоении экспериментального подхода в психотерапии последователи когнитивно-поведенческого направления, они же всегда были инициаторами сравнительных исследований в области эффективности психотерапии. Но и их исследовательские проекты были чаще всего осуществлены «задним числом». О том, чтобы эти исследования охватывали большинство существовавших к тому времени психотерапий, не может быть и речи. Сравнивались одно-два направления, чаще всего психоанализ и когнитивно-поведенческая терапия.

Многие авторы признают при этом, что сама возможность исследований осложнена целым рядом трудно преодолимых препятствий. Во-первых, это крайняя неоднородность различных психотерапий. Они преследуют разные цели, основаны на несопоставимых между собой практиках. Второе препятствие — их исключительное изобилие, о чем пишут, в частности, Е. Калмыкова и Х. Кэхеле: «В настоящее время известно и осуществляется на практике около 400 разновидностей психотерапии для взрослых пациентов и примерно 200 — для детей и подростков; описано около 300 психологических синдромов или констелляций симптомов, для лечения которых рекомендуется та или иная психотерапия. Если поставить себе задачу эмпирическим путем установить, какие виды психотерапии или их сочетания оптимальны для лечения одного расстройства, то придется опробовать астрономическое количество сочетаний, приблизительно равное 2^{400} . Соответственно, чтобы получить возможное количество сочетаний

для лечения всех описанных синдромов, это число надо будет умножить еще на 300» (Калмыкова, Кэхеле, 2001, С. 15–16).

В таком «арифметическом» контексте исследования, которые удовлетворили бы всех, превращаются в невероятно громоздкий, дорогостоящий, «вечный» проект, который, судя по всему, не будет завершен никогда. Упомянутые в цитированной выше статье цифры следовало бы многократно умножить, исходя из того всем известного обстоятельства, что культурные различия вносят в применение и потребление психотерапии серьезные коррективы. При этом существуют опасения относительно перспективности таких исследований. Многими авторами показано, что, скорее всего, значимых различий в эффективности разных методов выявлено не будет.

«У. Стайлз с соавторами описывают “парадокс эквивалентности”, приблизительно равнозначной эффективности лечений, в которых складываются, по всей видимости, существенно различающиеся отношения между пациентом и психотерапевтом. До тех пор, пока этот парадокс не будет разрешен, понимание механизмов лечения останется весьма ограниченным» (Калмыкова, Кэхеле, 2001, с. 16).

Многими другими авторами показано то же самое. *Парадокс эквивалентности* — самый частый итог такого рода исследований.

Вот, например, результаты известного американского проекта Consumer reports.

1. Никакой из методов психотерапии не имеет преимущества перед другими. Иначе говоря, в данном ис-

следовательском проекте подтверждается то же самое, что обнаружено в других исследованиях. Решение «парадокса эквивалентности» откладывается опять в «долгий ящик».

2. Более длительные терапии являются более эффективными. Это положение явно противоречит некоторым исследованиям, проведенным в Европе, в частности выводам группы К. Граве. Согласно им, эффективность психотерапии не повышается после приблизительно 80 сессий, так что дальнейшая работа попросту бессмысленна. Страховые кассы во многих случаях делали для себя однозначные выводы, базируясь на этих цифрах. Все это больно ударило по карману многих европейских психотерапевтов, сторонников долгосрочных методов работы. Непонятно, разница результатов в Европе и в Америке — это показатель культуральных отличий или чего-то еще.

3. Эффективная психотерапия — это больше, чем снижение симптоматики. Конечно, любой психотерапевтический процесс имеет целостный характер и обращен к личности в целом. Невозможно достичь терапевтического эффекта без работы с ценностями, смыслами, отношениями и проч., т. е. с тем, что выходит далеко за пределы просто симптоматики клиента.

4. Улучшение в психотерапии достижимо и без фармакологии. Как и во многих других исследованиях, здесь подтвердилось превосходство психотерапии перед фармакологией в том, что касается многих состояний, за исключением разве что психотических.

5. Квалифицированные психотерапевты лучше других достигают

успехов в лечении. И по этому пункту подтвердилось то, что было известно уже давно: основной инструмент в психотерапии не метод, а сам психотерапевт (Гуттерер, 1999, с. 162–168).

Исследователь — враг или друг психотерапевта?

Существует определенная разница между исследовательской ситуацией в академической психологии и психотерапии. Университетский психолог, планируя сам свои исследования, создавая для них условия и выбирая методику, находится в совершенно другой позиции, чем психотерапевт. Исследования для него — вовсе не главное условие деятельности и выживания. Психотерапевт и тот, кто исследует психотерапию, — это разные ученые, с разной позицией, опытом, статусом и проч. Психотерапия развивалась, а в значительной степени развивается и теперь в рамках частных институтов, по большей части независимых от структур высшего образования. Карьерные критерии в психотерапии и университетской науке чаще всего не совпадают. В психотерапии сертифицирование осуществляется по результатам обучающих программ, где главный упор делается на собственный клиентский опыт и супервизию. В университетской карьере востребованы, наоборот, публикации и диссертации, по известному принципу «publish or perish!» («публикуйся или исчезни!»). Получить же систематическое психотерапевтическое образование, во всяком случае еще в недавнем прошлом, не представлялось возможным. Итак, исследование в психотерапии — чаще

всего встреча двух профессионалов с совершенно различными интенциями, опытом, предпочтениями.

Психотерапевт, будучи убежден, что практикует по безусловно эффективному методу, вовсе не приходит в восторг от того, что некие инстанции предписывают осуществить проверку того, как он работает в течение многих лет и какие имеет результаты. Проект в таком роде воспринимается им как безусловное посягательство на его интересы.

«Напряжение между исследователем и практиком в выработывающем гипотезы исследовании понятно, если иметь в виду следующее: исследователь обычно не является источником вдохновения, поставляя практику новые полезные и пригодные для практики теории, а только лишь потребителем идей практика, которые он подвергает строгой научной проверке. Исследования идут за практикой, а не наоборот. Функция исследователя состоит скорее в том, чтобы «дискредитировать» практику и применяемые ею теории в смысле модели опровержимости, или же, если это не удастся, то максимально их приспособить» (Гуттерер, 1999, с. 176).

В подавляющем большинстве ситуаций профессиональная работа психотерапевта определяется традициями школы, в которой он получил образование. Количественно-статистические исследования не играют зачастую почти никакой роли в том, что и как делает терапевт, когда остается наедине с клиентом.

Отсутствие ощутимых результатов в сравнительных исследованиях, их бесполезность по большей части для практической психотерапии ведут к

тому, что многие авторы высказываются по их поводу достаточно жестко и резко. Вот что пишет, например, Ф.Е. Василюк: «...ярким примером коммуникативного представления о результате психотерапии является знаменитая формула Жака Лакана, по которой "субъект начинает анализ с того, что он говорит о себе, но обращается при этом не к вам, или он обращается к вам, но говорит не о себе. Если он способен говорить о себе и обращаться при этом к вам, значит, анализ завершен" (Lacan, p. 261). Как маленькая железнодорожная стрелка, она отправляет на свалку эшелоны путаницы и глупости, которые накопились и продолжают производиться на солидном предприятии под названием Научные Исследования Эффективности Психотерапии, освобождая путь для теоретически плодотворного и практически удобного решения этой проблемы. Искать его нужно не в старом тупике, где трудоемкими усилиями с помощью новейших компьютеров и изощренных статистических программ добывается нелепый с психотерапевтической точки зрения материал только потому, что он так желателен для страховых касс и ответственных за психотерапию чиновников, требующих "объективных критериев" в деле, вся суть которого, вся объективность которого — субъективна» (Василюк, 2003, с. 38–39).

Здесь недвусмысленно указывается на источник недоразумений — функционеров, оценивающих процесс с точки зрения критериев, выработанных изначально для совсем иных терапевтических практик.

Но проблема еще и в том, что и сами методы внутри собственного те-

рапевтического контекста отличаются крайней неоднородностью, большим богатством приемов, ходов, стратегий. Собственно, эти тонкости и есть главный предмет обсуждения в процессе обучения, супервизии, в пространстве научных текстов. Каждый из этих приемов может так или иначе влиять на исход терапии. Методы же, как мы видим, крайне трудно оценивать в целом, *en generale*. Но если мы до сих пор не готовы давать заключения по эффективности психотерапии в целом, как же можно судить о действенности отдельных технических моментов? Улучшится ли результат психоаналитического лечения в том случае, если мы исключим из работы такой элемент, как толкование сновидений? Насколько улучшится катмнез, если в процессе аналитической работы избегать анализа переноса? Или, может быть, в психодраме более действенным будет прием «зеркало», а без техники монологов, к примеру, можно обойтись? Ни в одном случае, ни в одной психотерапии нам не удастся получить вразумительные ответы на подобные вопросы. Более того, такая постановка вопросов покажется всем нелепой и смехотворной. Дело обстоит так, что в рамках количественного исследования невозможно учесть все переменные, влияющие на каждую конкретную терапевтическую ситуацию.

Приблизительно той же точки зрения придерживается и М. Селигман: «Изучение эффективности является ложным методом для эмпирического доказательства истинности психотерапии, потому что опускает слишком много существенных элементов из того, что происходит в ее кругу» (цит. по: Гуттерер, 1999, с. 162).

Действительно, мы имеем здесь дело с серьезным противоречием. Одновременное параллельное существование многочисленных методов, а также постоянное появление новых делает психотерапию дисциплиной с сомнительной легитимностью. Дело обстоит так, что мы, в сущности, не располагаем адекватной технологией анализа различных составных этой дисциплины.

Исключительная сложность предмета «человек» оставляет пока неразрешенными и самые ключевые вопросы, касающиеся специфичности связи «причина — симптом» и связи «симптом — метод» или даже «симптом — прием». Связь между жизненными ситуациями, психическими травмами и их клиническими последствиями весьма свободна. Одни и те же симптомы могут вызываться совершенно разными предшествующими событиями. Точно так же мы не имеем возможности точно привязать симптом или расстройство к определенному подходу и конкретной психотерапевтической технике. Гештальт-терапевт не отправит нарциссического клиента к бихевиористу, а психоаналитик не отправит клиента с навязчивостями на психодраму, подобно тому как гинеколог отправил бы пациента с ангиной к отоларингологу, честно сказав, что ему у него делать нечего.

Мы знаем так же, как и раньше, что психотерапия — это «лучше, чем ничего», зачастую намного лучше, и пока именно эта формулировка обозна-

чает предел наших знаний в этой области. Несомненно, исследования действенности психотерапии в разных клинических сферах приведут к тому, что ее сфера применения расширится. Но это вряд ли всерьез изменит существующее на сегодня положение дел.

Психотерапия: «школьная» versus «общая»

Несомненный избыток разнообразных психотерапевтических методов стал заметен уже давно². Основания для лавинообразного нарастания новых видов психотерапии невозможно понять, если исходить из соображений, что психотерапевтическая практика есть некое предприятие, созданное ради интересов клиента. Эта точка зрения оставит за границей адекватного понимания многое из того, что творится в психотерапевтическом мире.

Существование множества школ, противоречащих друг другу в самых принципиальных положениях, давно воспринимается как некий вызов. Вполне естественный ответ — формирование обобщающих проектов, неких общих школ психотерапии. Помимо этого, стали создаваться пространства встречи представителей разных подходов. Речь идет о создании «надшкольных» институтов, международных объединений психотерапевтов. Всемирная ассоциация психотерапии, созданная в 1930-е годы, занималась преимущественно

²Вспоминается выступление Ганса-Юргена Айзенка на I-м Всемирном конгрессе психотерапии в Вене в 1996 г. Он горько сетовал на то, что за последние 10 лет появилось не менее 200 новых методов в психотерапии и все они всего лишь «лучше, чем ничего» (better than nothing).

научными вопросами. В отличие от нее, созданная в 1990-е Европейская ассоциация психотерапии (и Всемирный совет по психотерапии) поставила перед собой намного более широкие цели, связанные в первую очередь с вопросами профессиональной политики, сертифицирования, общественного признания психотерапии и проч. Постоянный диалог школ, осознание общих интересов представителей разных подходов разрушили старый (внутри школьных рамок) режим функционирования психотерапии. Параллельно с этим появился запрос на создание надшкольных теорий, на «общую психотерапию».

Один из известных проектов в этом ключе — концепция «действенных факторов» К. Граве и его исследовательской группы из Бернского университета. Кропотливый анализ большого количества исследований эффективности психотерапии, проведенных в мире, позволил этой группе сформулировать общие факторы, определяющие эффективность процесса психотерапии независимо от подхода:

– активирование и акцентирование ресурсов и тесно связанное с этим качество контакта;

– актуализация проблемы;

– целенаправленная стратегия преодоления проблемы;

– прояснение истинных чувств и мотивации (Grawe at al., 1994; 1995; см.: Холмогорова, 2001).

Первое, что бросается в глаза, — крайняя неопределенность, расплывчатость выделенных факторов, которые мало что говорят практическому психотерапевту. Они требуют длительной расшифровки, интенсивного

уточнения. Ясно, что ориентироваться в работе на них можно только в том случае, если мы отстраиваем контексты, в которых эти факторы могут быть применены. Этими контекстами, собственно, и будут те методы, из которых они «дистиллированы». Их применение требует новых классификаций, т. е. возвращения к тому, от чего и было начато исследование.

Австрийская исследовательница Э. Вагнер весьма остроумно высказалась по этому поводу: «Тот, кто надеется, что с помощью дистиллирования четырех факторов действенности в психотерапевтической работе будут преодолены все характерные для отдельных школ особенности, напоминает изобретателя *тех таблеток от жажды, которые надо употреблять, растворяя в воде* (курсив мой. — А.С.). Для практической работы мало знать, какие четыре фактора действуют в психотерапии. Этот дистиллят должен быть заменен (специфическими для отдельных школ?) теориями, чтобы можно было осуществлять терапевтическую работу» (Вагнер, 1999, с. 275).

Позиция представителей «общей психотерапии» (другой псевдоним «общего» метода, внедряемого группой К. Граве, — «психологическая психотерапия») вызывает серьезную критику представителей профессионального сообщества: «Дело в том, что они (группа К. Граве. — А.С.) пытаются создать единую психотерапию, некую общую психотерапию. Однако это сужает рамки культуры. Они пытаются также выявить некие общие закономерности в том, что касается результатов психотерапии. Но здесь мы можем говорить только о начале исследований, а не о их завершении. Это

вызывает критику у коллег — пока получается какая-то каша, нечто недифференцированное. Демократический подход подразумевает наличие многих разных форм психотерапии. Это понятно — ведь в мире существует множество людей с самыми разными взглядами. В конце концов, в психотерапии дело обстоит так же, как и в политике» (Притц, 1997, с. 162).

Итак, налицо конфликт интересов. Структурная концепция предстала здесь концепцией, редуцирующей психотерапевтическое знание в целом. Наряду с этим она ущемляла интересы основных сил в психотерапии без реальных на то оснований, ибо никто не доказал, что основанные на этих принципах психотерапии более действенны.

В свое время мы предложили совсем иной проект в этом направлении (Сосланд, 1999). Мы не ставили перед собой задачи редуцировать всю сумму психотерапевтического знания до нескольких кратких формулировок, а попытались сформулировать «общую теорию психотерапии» совсем по-другому.

Нами был осуществлен анализ структурных основ построения теорий и техник различных методов в психотерапии и психологических закономерностей, лежащих в их основе, и на основе этого создание базы для последовательной и полной компаративистики (сравнительного анализа) различных психотерапевтических методов.

Мы исходили из следующих соображений:

1) теории и техники различных психотерапевтических методов имеют общую структурную основу;

2) структура различных психотерапевтических методов может быть описана посредством общего метаязыка;

3) в основе формирования главных психотерапевтических методов лежат закономерности, обусловленные психотерапевтической ситуацией самой по себе, а кроме того, культурным контекстом и другими «внепсихотерапевтическими» факторами.

Иначе говоря, для нас очень важно было учесть как разнообразие школ и практик, так и особую сложность единичной практической ситуации. Структурная теория, полагали мы, должна не основываться на «обедняющей» стратегии, а совсем наоборот, произведя инвентаризацию уже существующих возможностей, предлагать новые.

Важно было не просто описать метаструктуру психотерапии как единой целостной дисциплины с общепсихологических позиций. Необходимо было исследовать пути формирования психотерапевтического метода, а также определить взаимосвязь между различными элементами теории и техники. Составные элементы теории рассматривались нами с точки зрения их влияния на психотерапевтические стратегии. Таким образом, мы получили методологический аппарат, который позволяет осуществить анализ любого психотерапевтического метода. Структурная модель, полагали мы, невозможна без соответствующей лексикографической работы, и поэтому сочли важным обозначить выделенные нами структурные единицы соответствующими терминами.

Мы пришли к выводам, что на самом деле, несмотря на огромное

многообразие психотерапевтических методов, существует общая для них структурная основа. Именно так, опираясь на эту основу, можно обрести понимание психотерапии как единого целого. В то же время разложение известных психотерапевтических методов на составные части создает методологические предпосылки для последовательной компаративистики (сравнительного анализа) различных методов психотерапии. Кроме того, располагая знанием структуры психотерапии, мы получаем возможность систематического построения интегративных и эклектических концепций разного рода. И наконец, проведенный анализ выявляет неиспользованные возможности для формирования психотерапевтических методов.

Другой важный аспект заключается в том, что мы предложили не «сокращающую» (хотя в каком-то смысле и вполне компактную) модель, а генеративную, порождающую. Структуралистская парадигма здесь совпадает с политической корректностью: мы исходим из соображения равных прав всех методов в целом и каждого в отдельности.

Такой подход в анализе психотерапии не грозит сегрегацией разным методам, не претендует на создание преимуществ в пользу одних практик перед другими. И это очень важный принцип как для исследований, так и для политики в профессиональном сообществе.

Привлекательность бывает разной

Концепция аттрактив-анализа изложена нами в целом ряде публикаций (Сосланд, 2003а; 2003б; 2004).

Мы продолжаем работать над этим подходом, и данная работа — шаг в его уточнении, расширении и дополнении.

Два мира

Для понимания аттрактивности как таковой мы вводим важное противопоставление. Речь идет о «двух мирах» дискурса: дискурсе, существующем в режиме принципа реальности (далее — *Диспреа*), и дискурсе, существующем в режиме принципа удовольствия (далее *Диспрудо*). Это противопоставление основательно проработано в психоаналитической традиции, где, как известно, принцип удовольствия и принцип реальности — основные регулирующие полюсы психики.

Диспреа — это жестко регламентированный дискурс производства материальных ценностей, мира, где главное заключается в отказе от гедонистической ориентации, рационализация всех аспектов существования. В этом мире этический императив сужает наше жизненное пространство, подчиняет время жесткому режиму. Мы в значительной степени вынуждены отказаться от претензий на собственную неповторимость, автономию. В *Диспреа* тон задается производственной необходимостью, регламентом, принуждением, репрессией, напряжением, достижениями, рефлексивностью, ответственностью, легитимностью. Эта картина мира с особенной отчетливостью и выпуклостью представлена, в частности, в протестантском мировосприятии, как его нам преподносит М. Вебер в своих известных трудах.

Диспрудо — дискурс, развивающийся в значительной степени параллельно, порой вторгающийся в Диспреа, но ориентирующийся на собственный режим, собственные законы функционирования. Тон задается здесь гедонистической ориентацией, игрой, измененными состояниями сознания, нарциссическим мировосприятием.

Аттрактивность и аллективность

Аттрактивность в нашем понимании заключается в том, что тексты, принадлежащие вроде бы к пространству Диспреа, на самом деле несут в себе множество признаков Диспрудо. В этом состоит наиболее интересный сюжет аттрактив-анализа.

Со временем мы обязательно проведем границу между аттрактив-анализом и анализом текстов в других традициях. Речь идет о разных аналитиках, точнее сказать, о разных оптиках. Они могут друг с другом конкурировать, друг друга дополнять, но речь здесь будет идти о разных видах анализа.

Кроме того, аттрактив-анализ, как мы его понимаем, не ориентирован на *банальную аттрактивистику*, связанную с заурядными требованиями к «качеству» научной литературы, логике построения текста, ясности и экономности в изложении и т. п. Наш опыт изложения основных идей аттрактив-анализа показывает, что необходимо особо обозначить и иной вид привлекательности, а именно привлекательность, связанную с Диспреа. Рациональная привлекательность отныне будет обозначаться нами термином **аллективность** (от лат. *allecto* — приманивать, при-

влекать). Семантические поля у терминов «аттрактивность» и «аллективность» близки друг другу, однако мы определяем важное для понимания сущности аттрактив-анализа различие.

Если аттрактивность связана с гедонистической ориентацией, то аллективность сформирована совсем иным, в значительной степени противоположным режимом.

Этот режим, как уже было сказано, определяемый напряжением, достижениями, рефлексивностью, легитимностью, создает свои преимущества. Это соображения утилитаристского порядка, соображения «пользы», «важности», «надежности» и проч.

Наша стратегия концептуализации разводит, таким образом, два канала привлекательности. Мы подчеркиваем наш интерес именно к аттрактивности. Аллективность связана с соображениями, само собой разумеющимися в том, что касается текстов, проходящих по ведомству научного дискурса. Аттрактивность открывает перед нами несравненно более интересные концептуальные обстоятельства (о сущности интересного см. ниже). Речь идет о том, что у текстов, созданных в режиме принципа реальности, существует скрытый пласт, связанный с принципом удовольствия.

Привлекательное в психотерапии, таким образом, разведено по двум ведомствам. Аттрактивное обращено в сторону клиента, и образ психотерапии сулит ему свободу, удовольствия и проч., в то время как аллективное направлено в сторону инстанций, контролирующих психотерапевтическую деятельность и требующих постоянного отчета в том, что касается полезности, эффективности и проч.

Власть и свобода

Психотерапия сама по себе как уникальная терапевтическая практика представляет собой большое и своеобразное искушение. Ясно, что здесь наряду с возможностью реализации идеологического воздействия, как в философии, академической психологии и т. д., существует еще один соблазн — осуществления своеобразной власти над личностью клиента, будь то в индивидуальной терапии или в группе.

«Удовольствие» от терапии — это зачастую погружение в особый мир, удаленный от повседневности.

Мы исходим из того, что понимание истоков и каналов аттрактивности является очень важным для ориентации в психотерапевтическом пространстве. Именно образ метода, теории, концепта вызывает интерес к нему в профессиональном сообществе и за его пределами. Соображения привлекательности играют очень большую роль в том, какие дискурсы захватывают пространство семиосферы, а какие — нет. Аттрактивность влияет на ориентацию в текстовом разнообразии, а также в мире психопрактик.

Очень многое из того, что происходит в процессе психотерапии с позволения и согласия клиента, совершенно немислимо ни в какой другой ситуации. Упомянувшееся «удовольствие от терапии» также примиряет его со всем этим. Таким образом, «генеалогия власти» в психотерапии имеет два источника и носит двоякий характер. Получается так, что терапевт реализует через технику свое влияние на клиента и через теорию — на профессиональное сообщество.

Социокритический аспект неизбежен

Большинство теорий в психотерапии сформировано по вполне определенному сценарию. В них позиция общества «враждебна» по отношению к индивиду. Это вполне закономерно, ибо здесь речь идет не просто о неких общепсихологических построениях, но о психотерапевтических. Окружающая индивидуума социальная среда всегда будет «дурной» в зеркале психотерапевтической теории. Именно так, сталкиваясь с враждебным миром, будущий клиент не находит способа удовлетворения своих влечений, реализации своих возможностей. В семье подавляются первичные влечения, более широкий социум стремится нивелировать личностное своеобразие.

Вполне естественно, исторически сложилось так, что терапевт выступает в роли «адвоката» по отношению к пациенту и прокурора — по отношению к окружающему его миру. Он может предъявить счет обществу, которое довело его клиента до беды.

Например, классический психоанализ (положивший начало и этой традиции в психотерапии) представляет дело так, что общественное устройство препятствует удовлетворению сексуального влечения, которое приходится подавлять, откладывать, сублимировать. Оно не находит поддержки в мире современной цивилизации, реализация любого влечения всячески затруднена или отставлена во времени, всегда требует серьезных жертв, больших усилий, и это формирует патологию. В теориях и историях болезни, которые составляются согласно этим теориям,

протагонисту-клиенту всегда противостоит некий Другой. Этот Другой в любой школьной теории обязательно должен быть дурным, точно так же как и окружающая среда. Это и понятно: мы ведь имеем в виду концепцию, которая дает нам возможность для развертывания нарратива истории болезни, а не художественной прозы. История болезни предполагает, что кто-то так или иначе сделал что-то такое, что привело нашего пациента к болезни и потом его с этой болезнью к нам, терапевтам. Сам же протагонист, как сказано, дурным быть не может. Он или жертва, или продукт скверных обстоятельств.

Часто критика «цивилизации» в психотерапевтических дискурсах принимает форму критики «современности». Именно современное состояние социума, согласно этому пространственному ходу рассуждений, является намного более патогенным, чем все предыдущие эпохи вместе взятые, ибо они были не столь индустриализованы, более естественны, близки к природе и т. д. Ведь если современность всем хороша, то от чего защищать пациента, который в современности, собственно, и страдает. Мы занимаемся им сегодня и сейчас, так что нынешней эпохе, которая довела его до всего этого, придется так или иначе стать объектом критики.

Психотерапевтическая мысль являет собой по преимуществу культурный феномен западного типа цивилизации, каковая, естественно, и оказывается мишенью критического жеста.

Психотерапия в борьбе за свободу

История психотерапевтического дискурса, начиная с психоанализа,

может быть представлена как история борьбы с неким фактором, препятствующим реализации желаний клиента. В свое время мы обозначили этот концепт термином «обстановка». В самом деле, влияние некоей препятствующей силы на развитие невротических расстройств стало основной темой не только психоаналитических теорий. В той или иной редакции «либеральные» дискурсивные ходы присутствуют и в теориях других направлений.

Неофрейдистская либеральность проявляется, в частности, в известном патогенетическом концепте К. Хорни «тирания долженствования». Эта «тирания» проявляет себя различными предписаниями, которыми невротик аранжирует свой жизненный мир, делая его невыносимым для самого себя, например: «Я должен быть самым щедрым, тактичным, благородным, мужественным и самоотверженным. Я должен быть идеальным любовником, другом, родителем, учителем, студентом, супругом. Я должен справляться с любым затруднением с полным самообладанием и т. д. и т. п.» (цит. по: Бек, 1996, с. 64).

Другое известное направление в психотерапии — когнитивная терапия А. Бека и А. Эллиса — придерживается той же дискурсивной стратегии, составляя большие списки неадаптивных убеждений в «перфекционистском ключе».

По соображениям создателей этого направления, они ведут к дезадаптации и провоцируют развитие депрессий: «Чтобы быть счастливым, я должен быть удачливым во всех начинаниях. Чтобы чувствовать себя счастливым, меня должны принимать

(или меня должны любить, мною должны восхищаться) все и всегда. Если я не достиг вершины, то потерпел провал» (Бек, 1996, с. 63).

Если бы мы попытались так или иначе описать самое общее действие, осуществляемое психотерапевтами, то это будет борьба против факторов, которые связаны с неким препятствующим, подавляющим, ограничивающим началом. Этот фактор может помещаться «снаружи», а может быть интериоризирован. *Дерепрессия* — так следовало бы обозначить основную психотерапевтическую стратегию, осуществляемую так или иначе в самых разных парадигмах. Все психотерапии должны гарантировать клиенту некое пространство свободы и защищать его.

Необыкновенное профессиональное сообщество

Своеобразие развития психотерапии, помимо всего прочего, заключается в длительном «внеуниверситетском» существовании, впрочем, эта особенность постепенно стала сходиться на нет. Психотерапия развивалась школами, и это обстоятельство наложило некую неповторимую печать на все стороны психотерапевтической жизни.

Мы предприняли попытку описать это своеобразие (Сосланд, 2004б), причем попытались сделать это посредством мотивационного концепта и показать, что психотерапевтические школы в значительной степени встроены в несколько иной ряд по сравнению с другими научными сообществами. Вот основные моменты нашей концептуализации.

Идеобаллия: деятельность и мотивация

Когда заходит речь об идеологии, всегда имеется в виду дискурс, отражающий определенные интересы, в то время как путь к реализации этих интересов остается едва намеченным.

Ясно, что без такого компонента, как экспансия, идеология теряет свой смысл. Она, собственно, создана для того, чтобы распространять себя. Идеология является не только интеллектуальным построением, но и импульсом к деятельности. Она не замкнута в пространстве изолированного индивида, но существует в интерперсональном диалогическом режиме. Необходим концепт, который объединил бы в единый процесс и производство идеологии, и ее распространение.

Итак, *идеобаллия* (от греч. *idea* — общее свойство, идея, начало, основание, принцип; *ballo* — бросать, кидать, метать) — деятельность, соединяющая в себе оба значения: и производство идеи, и ее распространение в коммуникативном пространстве.

Как уже сказано, идеобаллия реализуется в стремлении личности включить Другого в пространство собственной идеологии, а лучше всего — других, причем количество этих «других» в идеале стремится к большим числам. На основе вышесказанного уже ясно, что идеобаллия состоит из трех основных моментов: *производство идеологии, распространение ее в пространстве, рекрутирование* максимального количества последователей данной идеологии.

Пространственная структура идеобаллического движения носит, так

сказать, центробежный характер. Двигаясь от некоего экзистенциального центра к периферии, идеобаллия стремится к разрыву границы, отделяющей внутреннее пространство личности от внешнего.

Идеобаллическое сообщество

Идеобаллическая мотивация удовлетворяется людьми на протяжении множества веков. На ее фундаменте в обществе сформирован особого рода класс. Давно осуществлена *специализация* идеобаллии, и с давних времен существуют *идеобаллические специалисты* — философ, священник, миссионер, политик. Производство идей вместе с их распространением — их главное дело. Есть также и маргинальные варианты существования идеобаллических персонажей — сектант, революционер, лидер молодежного объединения.

Одно из главных направлений удовлетворения идеобаллической потребности — формирование *идеобаллического сообщества* (далее — *ИС*). Этот вид сообщества существует в различных редакциях, но имеет свои инвариантные свойства.

Итак, для *ИС* типично следующее:

1. *Единая идеология*. Все сообщество безоговорочно (в худшем случае с мелкими поправками) разделяет основные принципы групповой идеологии.

2. Зачастую *ИС* формируется вокруг некоей *харизматической личности*. Идея отождествляется с реальным персонажем, и идеобаллическое сообщество формируется вокруг обоих сплывающих факторов — идеологического и личностного. Харизматическая позиция всегда пред-

полагает сочетание идеологического и организационного лидерства.

3. В продвинутых *ИС* зачастую принимаются определенные *этические и дисциплинарные кодексы*. Свод предписаний и запретов формируется для поддержания жизнестойкости внутри самого сообщества, а также для усиления внешней экспансионистской активности. *ИС* почти всегда противопоставляют себя другим аналогичным сообществам или же враждебному окружению в целом.

4. Почти всегда *ИС* демонстрируют тенденцию к *экспансии*. Для них вполне типична деятельность, направленная на распространение идеологии и на расширение круга тех, кто с ней связан. Весьма важной является миссионерская, рекрутирующая работа.

5. Очень часто (хотя далеко не всегда) в *ИС* используются разного рода *экстатические практики*. Транс — один из важнейших соблазнов подобного вида сообществ. Мы видим глубокий смысл в сходстве аббревиатур *ИС* — идеобаллическое сообщество и *ИСС* — измененное состояние сознания, каким бы случайным оно ни было. Особенно это относится к религиозным и психотерапевтическим типам *ИС* (см. ниже классификацию).

6. Может иметь место всякого рода *идентификационная символика* (гербы и знамена, гимны и ритуалы). Символика может быть непосредственно связана с предыдущим моментом, но главное в ней — сплывание единомышленников в единый организм, создание эмоционально насыщенной коммуникативной ткани внутри сообщества.

7. Идеология в таком сообществе встроена в структуру *групповой динамики*. Эта групповая динамика, как и в любом сообществе, оказывает решающее влияние на положение дел. Своеобразие *ИС* заключается в том, что внутренняя идеология становится важным фактором групповой динамики. Такие факторы, как верность идеологическим принципам, поддержание их «строгости и чистоты», могут оказывать решающее влияние на иерархию в *ИС*, разделять его на лидеров и маргиналов. Эта иерархия имеет как выраженный внутренний аспект (отношения между членами *ИС*, иерархическое разделение), так и внешний — отношения с социумом и аналогичными или конкурирующими институтами.

Классификация ИС

Не составит труда перечислить теперь наиболее распространенные идеобаллические сообщества. Они, собственно, у всех на виду.

Итак, это:

1. *Мировые конфессии*, включающие в себя клир и конфессиональную паству.

Это самые заметные в мировой культуре *ИС*. На примере больших конфессий можно проследить все основные особенности сообществ, о которых идет речь.

2. *Культовые сообщества* (в том числе и так называемые *тоталитарные секты*)

Эта сфера маргинальной культуры часто имеет широкий общественный резонанс ввиду активной рекрутирующей политики, ей присущей, противопоставления себя общественным институтам, а также активного

противодействия со стороны традиционных конфессий. Однако, в сущности, они мало чем отличаются от больших религий, особенно на ранних этапах их существования. Именно по причине этой схожести (секты — своего рода пародии на мировые религии) они и вызывают по отношению к себе интенсивную агрессию традиционалистской части социального спектра.

3. Эстетические объединения.

Они провозглашают обычно свое появление на свет манифестом. Это может быть литературное направление — символисты, имажинисты, обэриуты, серапионовы братья, дадаисты; музыкальное объединение — русская «Могучая кучка», парижская «шестерка»; МХАТ в свой ранний период, театр В. Мейерхольда, театр на Таганке Ю. Любимова; кинематографические объединения вроде группы «Cahiers du cinema» на рубеже 1950–60-х, скандинавской «Догмы». Манифест, возвещающий появление нового направления, встраивает его в определенный социально-политический контекст. Обычно не просто провозглашаются новые эстетические принципы, но и указывается вызов, который размещается в крупном социальном пространстве. Здесь важно отметить, что идеобаллическая деятельность в этих случаях носит как бы подчиненный характер. Все же самое важное в деятельности этих объединений — художественные практики, производство арт-объектов. Идеология не является здесь самоценной, и, естественно, ей уделяется не столь существенное внимание, как в «чистых» идеобаллических сообществах (религиозных, философских, политических, социальных).

4. *Политические партии* (в зародыше — *революционные ячейки*).

Путь от узкого круга заговорщиков, расклейщиков листовок и бомбистов до крупной политической силы, берущей на себя ответственность за судьбу целой страны, — известный сюжет. При этом ясно, что любое квазиэдиповское стремление к бунту должно так или быть иначе легитимировано неким значимым кругом идей. В политической идеологии, как правило, весьма подчеркнута роль «экзистенциального врага».

5. Так называемые *неформальные молодежные объединения* — хиппи, панки, скинхэды.

«Возрастной» контекст этих объединений минимизирует удельный объем идеологически ориентированной деятельности. При этом достаточно серьезное внимание уделено акциям, призванным привлечь к ним скандальное внимание, равно как и эпатажирующей демонстративности во внешнем облике. «Философия» уступает здесь «спектаклю», хотя ясно, что бросающаяся в глаза внешняя атрибутика строго предписана исходными идейными принципами.

6. *Философские объединения*: платоновская академия, синопские киники. Видимо, Львовско-варшавская школа, ну и, к примеру, Московский методологический кружок, созданный Г.П. Щедровицким.

7. *Филантропические организации* (вроде Армии спасения). Массонские ложи.

8. *Социалистические* (или какие угодно иные) *коммуны*.

Это организации вроде знаменитой «Новой гармонии» Роберта Оуэна, представителя так называемого «утопического социализма», ос-

нованной им в Америке. К созданию коммун, как известно, тяготеют и некоторые тоталитарные секты (например, получившая известность в постсоветское время секта Виссариона) и неформальные молодежные объединения вроде хиппи и пр. Коммуна как идеобаллическое сообщество отличается определенным своеобразием: ее члены замыкаются в собственном пространстве, пытаются реализовать свои теоретические принципы в изоляции от остального мира.

9. *Педагогические течения* (скажем, Вальдорфская школа).

Конечно, в этих случаях речь идет не просто об эффективной педагогической практике, но и об определенной антропологической концепции. Как и в других случаях идеобаллических сообществ, такого рода педагогические системы противопоставляют себя иным — якобы неэффективным, негуманным и пр.

10. *Психотерапевтические школы*.

Стремление психотерапии к выходу за пределы собственно терапевтического обихода было давно замечено самыми разными авторами. Обвинение психоанализу в том, что это «не терапия, а новая религия», давно стали общим местом.

Вот как пишет об этом Карл Ясперс: «...Психотерапевт... должен противостоять почти неизбежному стремлению (которое мы наблюдаем на практике) превращать психотерапию в мировоззренческое учение и формировать из круга, образованного им самим, его учениками и пациентами, сообщество наподобие религиозной секты» (Jaspers, 1973, S. 685). И далее он делится соображениями о том, как избавить психотерапию от «стремле-

ния» создавать секты, где все группируются вокруг особо почитаемого учителя, «создавать из психотерапии религию».

Приведенная цитата свидетельствует в пользу того, что «почти неизбежное стремление», о котором идет речь, очень интенсивно. Это, собственно, и есть идеобаллическая мотивация. Сочетание «мировоззренческого учения» и «секты с особо почитаемым учителем» во главе — два основных идеобаллических компонента: учение плюс сообщество.

Научная добросовестность, разумеется, требует здесь разобраться с «недобросовестностью» психотерапевтов, которые так и норовят обрести статус «властителей дум», пророков и реформаторов. Можно прямолинейно и чистосердечно возмущаться (как это делают К. Ясперс и многие другие) этими обстоятельствами, но разумнее, конечно, трезво и критически понять, почему именно так происходит. Причем сетовать на недобросовестность и избыточное честолюбие психотерапевтов явно недостаточно и, главное, бесполезно. Речь идет, конечно, о самой природе психотерапии, которая «нудит» столь интересный способ теоретического поведения.

Психотерапия и Большой проект

В самом деле, зачастую психотерапия мыслит себя как часть некоего крупного проекта по переустройству общества. Эта традиция, как и многое другое в психотерапии, заложена психоанализом. Она начинается с фрейдовских поздних метапсихологических текстов, таких, как «Массовая психология и анализ человечес-

кого Я», «Будущее одной иллюзии», «Неудовлетворенность культурой». Психотерапевты имеют претензию (не лишенную, конечно, определенных оснований) вмешиваться в круг проблем крупного социального пространства, находящегося как бы за пределами их непосредственных профессиональных интересов, в сфере, издавна отданной на откуп философам, социологам и пр. Культуркритический (и культурстроительский) пафос — слишком заметная позиция в структуре психотерапевтического знания, чтобы ее игнорировать.

Большой проект в психотерапии всегда сформирован в духе оппозиции клиента и окружающего мира. Для психотерапевта важно угледеть, что же именно в культуре является большим патогенным фактором.

Мир, в котором живет клиент, выступает поставщиком причин возникновения патологических феноменов. Окружающая индивидуума социальная среда всегда будет «дурной» в зеркале психотерапевтической теории.

Психотерапии, как мы писали уже раньше (Сосланд, 1999), имеют вполне определенную тенденцию в своем развитии. Мы обозначили ее как *доктринальное расширение*. Как уже упоминалось (и это утверждение давно стало общим местом) психоанализ превратился из специального лечебного метода в мировоззренческую систему. Речь здесь идет и о завоевании больших идеологических пространств, и о встраивании философского дискурса в психотерапевтический.

При таком расширении психотерапевт делает заявку на идеологическое

влияние в пространствах совершенно иных размеров. Психотерапевтическая идеология выходит за собственные профессиональные границы. «Неудовлетворенность культурой» сама по себе существенно увеличивает размеры идеологического пространства психотерапии.

Представители когнитивно-поведенческого подхода тоже весьма интенсивно выступают с культуркритических позиций, причем свою критику они легитимируют эмпирическими исследованиями.

Так, в работе, посвященной теме эмоциональных расстройств в современной культуре, мы читаем: «...В современной культуре существуют достаточно специфические психологические факторы, способствующие росту общего количества переживаемых отрицательных эмоций в виде тоски, страха, агрессии и одновременно затрудняющие их психологическую переработку» (Холмогорова, Гаранян, 1999, с. 67).

О том, какие это факторы, авторы высказываются далее вполне определенно: «...эмоциональные нарушения тесно связаны с культом успеха и достижений, культом силы и конкурентности, культом рациональности и сдержанности, характерными для нашей современной культуры» (там же, с. 71).

Все эти соображения так или иначе связаны с ориентацией на «большой проект», на перспективу преодоления психотерапией границ лечебных кабинетов и выходом на некий глобальный уровень. Однако этот выход требует и особой организации сообщества, о чем уже шла речь выше.

Многовато противоречий

Итак, психотерапия и как практика, и как фактор, формирующий профессиональное сообщество, «распята» между идеографической и номотетической парадигмой. Она осуждена осуществлять постоянный выбор между этими двумя парадигмами. Она вынуждена делать «реверансы» в разные стороны. Но это определяет и особую, неоднозначную привлекательность психотерапии.

Мы попытались проблематизировать ряд серьезных противоречий в психотерапии. Она должна быть эффективной и в общем-то является таковой, но исследования в этой области почти никак не отражаются на том, как она применяется. Она обладает специфической привлекательностью, но это обстоятельство никак не связано с ее действительностью. Она несет в себе интенсивные властные практики и в то же время ориентирована на обретение свободы. В этом поле наблюдается очевидный перебор различных методов и школ, но вряд ли удастся в ближайшем будущем их уменьшить или же представить вместо них некую «единую терапию», как это некоторым видится. Сообщество психотерапевтов одновременно имеет черты научного сообщества, но при этом и совсем иного вида объединений.

Таким образом, психотерапия является нам себя в весьма интересном и своеобразном виде. Этот вид полон двусмысленностей и ускользаний, она подобна героине известной сказки, явившейся не по воздуху, не по земле, не голой, не одетой, чтобы на-

поить других героев влагой, собранной не с неба, не с земли.

Интересно, что же нам все-таки делать со всем этим?

Литература

- Бек А. Техники когнитивной психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 1996. № 3 (13). С. 49–68.
- Васильюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ; Смысл, 2003.
- Вагнер Э. Психотерапия как наука, отличная от медицины // Психотерапия — новая наука о человеке. Екатеринбург; М.: Академический проект, 1999. С. 249–280.
- Гуттерер Р. Критические перспективы психотерапевтических исследований и практики медицины // Психотерапия — новая наука о человеке. Екатеринбург; М.: Академический проект, 1999. С. 156–182.
- Калмыкова Е.С., Кэхеле Х. Психотерапия как объект научного исследования // Основные направления современной психотерапии. М.: Когито-Центр, 2000.
- Притц А. Интервью с Альфредом Притцем // Московский психотерапевтический журнал. 1997. № 2 (16). С. 160–166.
- Сосланд А.И. Харизматическая личность в психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 1997. № 3. С. 152–191.
- Сосланд А.И. Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или Как создать свою школу в психотерапии. М.: Логос, 1999.
- Сосланд А.И. Ключ к Хайдеггеру // Московский психотерапевтический журнал. 2003а. № 2 (37). С. 64–88.
- Сосланд А.И. Способы обеспечения привлекательности философского и психологического дискурса // Культурно-исторический подход и проблемы творчества. Материалы третьих чтений, посвященных памяти Л.С. Выготского. М.: РГГУ, 2003б. С. 309–317.
- Сосланд А.И. Глубокое и высокое // Экзистенциальная традиция. 2004а. № 1 (4). С. 128–143.
- Сосланд А.И. Об идеологической сущности психотерапевтического сообщества // Московский психотерапевтический журнал. 2004б. № 2 (40). С. 21–43.
- Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993.
- Холмогорова А.Б. Методологические проблемы современной психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 1. С. 182–190.
- Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Эмоциональные расстройства и современная культура // Московский психотерапевтический журнал. 1999. № 2. С. 61–90.
- Хорни К. Невротическая личность нашего времени; Самоанализ. М.: Прогресс-Универс, 1993.
- Grawe K., Donati R., Bernauer F. Psychotherapie im Wandel — Von der Konfession zur Profession. Hogrefe, Goettingen, 1994.
- Grawe K. Grundriss einer Allgemeinen Psychotherapie // Psychotherapeut. 1995. 40. S. 129–145.
- Jaspers K. Allgemeine Psychopathologie. 9 Aufl. Springer. Berlin, 1973.
- Lacan J. Ecrits. Paris, 1966.